

≈ 27 мин

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот текст я написал двадцать три года назад, на каникулах. Я окончил четвёртый курс истфака ПГУ и купил свежий труд Д. Волкогонова о Ленине. Я курсовую не писал так увлечённо, как рецензию на этот двухтомник.

Настолько лёгкой для «тренировки» показалась мне, начинающему историку, эта мешанина из волкогоновских измышлений! Можно сказать, что на нём я оттачивал своё исследовательское и литературное мастерство.

Это первый большой научно-публицистический опыт в моей жизни. Он состоит из двух частей: письма Волкогонову и собственно самой рецензии на книгу. Хотя текст имеет прямого адресата и обращается прямо к нему, писал я, конечно, без надежды, что он прочтёт мой скромный труд. Скорее, это было написано для коммунистов, разошедшихся в то время, кто куда, и предназначено для публикации в коммунистической прессе. За содействием я обратился к профессорам М. Г. Суслову и Р. И. Косолапову. Они стали первыми читателями моей рецензии. А Михаил Григорьевич оставил много помет на полях, и этот рукописный экземпляр для меня особенно дорог.

Благодаря Ричарду Ивановичу Косолапову мой труд был опубликован в журнале «Изм» в одном из номеров 1996 году (к сожалению, у меня не сохранился). А письмо Волкогонову, с которого начинается рецензия, было напечатано в пермском издании «Коммунист Западного Урала», издававшемся обкомом КПРФ. По правде сказать, я тогда рассчитывал на большую дискуссию и на то, что мой скромный труд вольётся в общий хор борьбы за сохранение ленинского наследия. Но рецензию, в конечном итоге, прочитали немногие. А партии,

сохранившие коммунистические названия, погрязли в межпартийных усобицах.

Я бы, может, не обратился снова к этому тексту, если бы не обнаружил, что спустя двадцать лет Волкогонов снова стал востребован в России. В 2013 году в издательстве «Эксмо» вышло переиздание двухтомника под заголовком «Ленин. Жрец террора». Но добило меня, когда я увидел в новейшем школьном учебнике по истории, инициированном самим президентом России В. Путиным, задание, предлагающее десятиклассникам высказать своё отношение к высказыванию Д. Волкогонова, что *«трагизм советской истории был предопределён ленинским экспериментом»*¹. Мне казалось, что этот автор уже забыт. Ан нет! Оказывается, я заблуждался.

Поскольку мне как педагогу, по всей видимости, придётся выполнять это задание с учащимися, постольку моя рецензия на книгу Волкогонова снова становится необходимой. И я решил вернуться к этому тексту. Сначала была мысль опубликовать эту статью для более широкой аудитории, чем в 1994 году, а потом продолжить, так сказать, в свете новых исторических реалий. Я долго думал — подвергать текст правке или нет, и решил оставить его аутентичным, пусть и с огрехами и возможными нарушениями правил русского языка. Мне этот текст лично дорог. А ещё я подумал, что он сам по себе своеобразный документ эпохи, отражавший состояние умов в начале 1990-х годов после распада СССР и разгрома коммунистического движения, и может представлять определённый научный интерес для будущих исследователей общественно-политической борьбы в тот период.

Публикую этот текст в двух выпусках. А в третьей части предполагаю дать

рецензию на рецензию и поразмышлять, почему Волкогонов снова востребован и каким целям служит сегодня. Ведь учебники, тем более единые — это не просто писания каких-то авторов, а отражение определённой государственной линии и официальный взгляд на историю в желаемом государству направлении.

Я буду признателен за замечания к тексту и с готовностью отреагирую на них при написании заключительной части.

ПИСЬМО Д. ВОЛКОГОНОВУ

г.Волкогонов,

Вряд ли, работая над книгой «Триумф и трагедия», Вы предполагали, что станете автором первого в нашей стране политического портрета В. И. Ленина. Если б знали, наверное, не спешили бы с выпуском трёх исправленных изданий томов о Сталине. Впрочем, не сомневаюсь, скоро появится четвёртое переработанное издание Вашей первой биографии. Дело в том, что все книги т. н. трилогии «Вожди» не связаны между собой общей концепцией. Содержание первой книги (прежде всего всё, что касается Ленина) абсолютно противоречит третьей.

Как же Вы объясните сей феномен? А-а, книгу о Сталине, оказывается, Вы писали 15 лет, *«видя в Ленине неземную безгрешность»*. В сознании человека, *«прошедшего мучительную эволюцию взглядов от сталиниста, через долгую марксистскую ортодоксию к полному отрицанию большевистской тоталитарности», «бастионы ленинизма... пали последними»²*.

Столь долгое «прозрение», однако, не помешало Вам выпустить три издания «Сталина» за три (!) года. Третье появилось в 1991 году, ещё до печального августа. «Бастионы», как надо понимать, еще не пали. А когда это произошло? «...Когда я осознал исторический крах ленинского „дела“», — отвечаете Вы³. Именно тогда начали книгу о Ленине? Сразу после запрета КПСС? Или с начала 1992 года? Как бы там ни было, должен Вам заметить, весьма короткий промежуток времени потребовался Вам, чтобы освободиться от «ленинской кольчуги догматизма», по сравнению с теми пятнадцатью годами, которые Вы отдали «очищению» ленинизма от скверны сталинизма.

Впрочем, Вы наверняка не сожалеете, что отдали «утопии лучшие годы своей жизни», будучи «жрецом ленинской схоластики»⁴. Вы даже иронизируете над собой:

«Мы ещё не представляем, сколь убогими и смешными в своём идолопоклонстве будем выглядеть для людей из 21 века»⁵.

Но что поделаешь, прощаете Вы себя, — «все были обязаны носить идеологическую одежду — эту духовную униформу обесчеловечения личности»⁶. Вы заблуждаетесь. Сами же пишете: была интеллигенция, способная на протест, на интеллектуальное сопротивление⁷. Вот вы к таковой действительно не принадлежали.

«... Мы узнали НЕЧТО иное, нежели нам внушали долгие десятилетия», — интригуете Вы обывателя⁸. Это нечто — неизвестные материалы доселе закрытых архивов Политбюро, ЦК КПСС, «которые поразительно быстро лишают облик вождя божественного нимба»⁹. Конечно, Вы имеете в виду 3724

неопубликованных ленинских документа (помните, которые Вы хотели издать отдельными сборниками под названием «Неизвестный Ленин»?). Какое же открытие Вы сделали благодаря им? Оказывается, этот дедушка с добрым прищуром глаз мог говорить очень жестокие вещи, а его телеграммы времён Гражданской войны должны леденить душу.

Впрочем, в порыве саморазоблачения Вы оговариваетесь (жаль, только к концу первого тома):

«Чтобы знать Ленина, подлинного, настоящего, не обязательно было ждать вскрытия „ленинских тайников“. Даже опубликованный Ленин, если бы наша мысль не была парализована многолетней пропагандой, мог давно выгладеть в наших глазах иным...»¹⁰ .

Ой ли! В Ваших ли глазах испытанного бойца идеологического фронта, верой и правдой (или неправдой) исполнявшего свой гражданский и профессиональный долг штатного военного пропагандиста, получавшего за это, помимо зарплаты, звания, премии, чины?

Хоть Вы и говорите, что *«любая власть... сколь необходима [конечно, очень многим она даёт хлеб насущный — А. Ч.], столь и порочна»¹¹ ,* тем не менее не считали для себя порочным всегда находиться при ней и её обслуживать, как это делаете и сейчас. Вам щедро (коммунисты, скорее, были скупы) оплатят Ваши благородные гражданские порывы и справедливое желание угодить.

Вы правы, Ваша книга *«будет подвергаться сомнению, опровергаться, оспариваться, разоблачаться»*. Грешен, но я решил внести свою лепту в это

дело... *«Мы это так умеем делать!»* — восклицаете Вы¹². Не знаю, как получится у меня. Себя же Вы, г. Волконогов, уже давно разоблачили и опровергли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дмитрий Антонович уверяет, что написал беспристрастную книгу, придерживаясь принципа: ни хулы, ни апологетики¹³. Зря уверяет. Обратите внимание на его прокурорский тон. Итак,

Обвинение первое.

«За всё время пребывания у власти Ленин только и делал: реквизировал, отбирал, лишал, изымал, репрессировал... Заводы, фабрики, банки, хлеб, дороги, личные ценности, дома, квартиры, одежда... театры, лицеи, типографии... отобрано всё»¹⁴.

Обвинение второе.

Большевикам *«удалось разжечь войну внутри самого крестьянства, сравнить зажиточных мужиков с безземельными, худосочными, плохими работниками»¹⁵.*

Ленин виновен также в том, что

- *«похоронил первое в истории России демократическое правительство;*
- *унизил Россию преступным миром;*
- *разогнал Учредительное собрание;*
- *ликвидировал имевшиеся гражданские свободы и права человека;*
- *разрушил экономику гигантской страны;*

- низвёл Советы до придатка партийных комитетов;
- изгнал цвет национальной интеллигенции за пределы отечества;
- ликвидировал российскую социал-демократию;
- уничтожил царскую семью;
- подавил в крови тамбовское, кронштадтское, донское, ярославское и другие народные восстания;
- почти уничтожил церковь;
- с помощью террора, голода и развязанной гражданской войны в стране погубил в России 13 миллионов человеческих жизней»¹⁶ .

Вот так, будто воскресшие все враги Ленина устами Волкогонова сводят счёты с коммунистами, с Лениным за своё историческое поражение в октябре 1917 году.

Всё «прозрение» Дмитрия Антоновича заключается в том, что он просто перешёл на точку зрения врагов Ленина, на сторону буржуазной партии, класса капиталистов, низвергнутого 80 лет назад и возрождающегося сегодня. Волкогонов ушёл на службу этому классу. Историческая наука тоже попадает ему в служанки. Пожалуй, Волкогонов становится признанным вождём российской буржуазной историографии, вытесняющей марксистскую философию истории.

Тем интереснее разобраться, какова же она, современная российская историческая наука. На каких методологических основах стоит? Какие приёмы исследования применяются? Что противопоставляется марксизму?

За образец, претендующий стать шедевром обновляющейся науки, мы и взяли книгу «Ленин».

Пожалуй, все идеалистические, субъективистские исторические школы прошлых веков не перещеголяют творения Д. Волконогова, в которых роль личности в истории доводится поистине до космических масштабов.

Если образ Сталина в общественном сознании уже прочно ассоциируется едва ли не с монстром, то Ленин подается ещё более всемогущим Антихристом.

«Ещё ни одному человеку в истории не удавалось в таких масштабах и качестве изменять огромное общество»¹⁷.

ОН «изменил мировое соотношение политических сил»;

ОН «перекроил карту планеты»;

ОН «вызвал к жизни мощное социальное движение на континентах»¹⁸ ;

ОН «силой привил в России, не остановившись перед столь страшными потрясениями», идею коммунизма¹⁹.

И, несмотря на то, что Ленин «изменил... перекроил... вызвал... привил...», он всё-таки «великий и беспощадный утопист, вознамерившийся с помощью пролетарского кулака разmozжить череп старому и создать общество, идея которого родилась в его воспаленном мозгу»²⁰.

«Ленинский максимализм и радикализм, помноженные на его волю и одержимость» сыграли решающую роль в формировании системы²¹.

Вот таким сверхъестественным мифологическим героем (точнее, злодеем)

предстаёт Ленин. И всё это подается под соусом «исторического Ленина».

Если это история, то что такое мифология?

Мне всегда казалось, что такой подход, сводящий исторические процессы к действиям, интригам великих личностей, заговорщиков, «профессиональных революционеров», как-то умудряющихся решать судьбоносные вопросы, «располагаясь» над «социальными и экономическими процессами», давно пройденный наукой этап.

Но Волкогонова не смущают даже логические несуразности, неизбежные при таком подходе. Даже слово «массы» он закавычивает, как будто и нет такого субъекта в истории.

«Ленин думал не о человеке, а о „массе“, которой хотел создать конструкцию коммунистической жизни, рождавшуюся в его голове»²².

История, в представлении Дмитрия Антоновича, это «выдающиеся акции», это лаборатория, в которой проводятся эксперименты по реализации «книжных схем», а народ всего лишь подопытный кролик, объект манипуляций, «оказавшийся в руках большевиков» и находящийся в «глубоком затмении сознания». Народ, «право которого узурпировали», словно слепого, «насильно повели», «насильственно осчастлививали», «заставили молиться» какие-то могущественные поводыри.

И мучается Волкогонов над «неразрешимой» загадкой, «как великий народ позволил так экспериментировать над своей судьбой»²³, и почему «большевики

уцелели, когда стало ясно, что они выражают интересы лишь „профессиональных революционеров“»²⁴. Впрочем, не замечая этого, Волкогонов тут же разбивает все свои построения:

«Большевизм... смог найти струну, звучание которой отразило интересы большинства народов России»²⁵.

Чувствуете, как неустойчив, как колеблется буржуазный либерал? Он, в сущности, боится масс, презирает их, стремится их не замечать, но всё же вынужден признавать очевидное.

Либералов беспокоит не «узурпация» прав народных, а непосредственное творчество масс, «стихия народная», то, что они всегда именовали и именуют «низменными народными инстинктами», а Волкогонов — другими словами: *«помрачением народной души»*.

Таким образом, Волкогонов элементарно путается в вопросе о субъектах исторического процесса и их роли. И не стремится в этом разобраться, ибо это значило бы признать заслуги марксизма в разработке этого вопроса, а для его врагов это равнозначно «догматической узости». Народ у волкогоновых — аморфная, инертная масса, пригодная только для экспериментов. Единственный субъект истории, оказывается, некая абстрактная Личность.

Ленин, пишет Волкогонов, *«был певцом рабочего класса, хотя отводил ему лишь роль основной силы его партии. Проблема личности, её прав и свобод всегда стояла у Ленина на третьем-десятом местах»²⁶*. Обратите внимание, для Волкогонова партия — это не форма самоорганизации класса (с точки зрения

марксизма, высшая), а опять же организация отдельных личностей, «удавов», пожирающих рабочих «кроликов». Волкогонов даже не замечает отсутствие логики в своём сочинении. Если Ленин был певцом рабочего класса, то, следовательно, ревнителем прав и свобод личности рабочего (кстати, доводя до признания высшей формы их проявления — создания пролетарского государства).

Таким образом, методологические предпосылки, которых придерживается Волкогонов, лишают всякой ценности его рассуждения о демократии как форме движения, борьбы, «творчества» реальных субъектов общественного развития, осознающих свои интересы. По понятиям Волкогонова — это равнозначно... бланкизму.

В полном соответствии с таким старым как мир, представлением Волкогонов убеждает читателей в том, что, *«осуждая бланкизм на словах, Ленин, не колеблясь прибегал к нему в решающие моменты»²⁷*. Волкогонову не откажешь в изобретательности: объединив в одном предложении и правду, и ложь, он, видимо, полагает, что их гармония и лежит в основе всякого объективного исследования.

Если приём Волкогонова и нов, то обвинение Ленина в бланкизме он повторяет с чужих слов, которых в своё время живому Ленину пришлось выслушать немало. Может быть, сегодняшняя профессиональная историческая наука считает свидетельства и субъективные мнения очевидцев и участников событий истиной последней инстанции, но почему тогда Волкогонов оставил без внимания позицию самого Ленина на эти обвинения. Необязательно даже

штудировать все 55 томов ленинских сочинений, достаточно найти по предметному указателю в «Справочном томе» всё, что Ленин говорил или писал о бланкизме. Или Дмитрий Антонович нашёл в открытых им более трёх тысячах ленинских документах нечто такое, позволяющее не усомниться более в бланкизме Ленина? Нет, таких документов Волконогов не приводит.

Мы понимаем, почему Волконогов ничего не сообщает об отношении самого Ленина к обвинениям в его адрес. Живой Ленин мог успешно постоять за себя и камня на камне не оставить от клеветнических измышлений.

То, что писано пером, то не вырубешь топором. О нём можно только умолчать. Но врагам Ленина не удастся изъять, закопать, сжечь, скрыть в спецхранах все 653 миллиона экземпляров ленинских сочинений. А это означает, что и сегодня клевета бессильна перед безгласным Лениным.

«К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространённых извращений марксизма, — писал Ленин в статье „Марксизм и восстание“, — ... принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть „бланкизм“.

Вождь оппортунизма Бернштейн уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не „обогащают“ скудные „идеи“ Бернштейна, крича о бланкизме...

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на

партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъём народа. Это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это, в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма».

«Военный заговор, — продолжает и конкретизирует Ленин в „Письме к товарищам“ за несколько дней до петроградского вооруженного восстания, — есть бланкизм, если его устраивает не партия определённого класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного объективными факторами сочувствия большинства народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завоёвано большинство признанных „полномочными“ или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде „Советов“, если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания (вроде „вся власть Советам“, „земля крестьянам“, „немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии“ и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, если передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, поддержке, доказанной серьёзным крестьянским движением или восстанием против помещиков и защищающего их

правительства, если экономическое положение страны внушает серьёзные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами».

И, наконец, из «Детской болезни «левизны» в коммунизме»:

«Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддержать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетённых капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс».

Пожалуй, довольно?

Так что же такое «бланкизм»?

«Бланкизм... действия оторванных от масс одиночек, деморализующие рабочих, отталкивающие от них широкие круги населения, дезорганизующие движение, вредящие революции»²⁸ .

Бланкисты отрицали классовую борьбу. Д. Волконогов — тоже. А что остаётся человеку, отрицающему классовую борьбу масс, как не сводить великие исторические битвы к козням, интригам, подвигам или заговорам «великих личностей», к действиям кучки «профессиональных революционеров»,

«классовых дальтоники» либо «великих реформаторов», «либералов», «экономистов» и т. д., и т. п. Большевики, говоря словами Ленина, «*в подобной узости воззрений не повинны*». Простим эту узость Волкогонову.

Но не простим ему ложь и клевету. Волкогонов не просто собрал всё негативное, что писалось и говорилось о Ленине его противниками. Волкогонов изощрённее их. Он прибегает к своему любимому приёму противопоставления: образ человека будет непригляднее, если он высвечивается на фоне «чистого» облагороженного исторического героя. Таким на время стал сам Ленин на фоне демонизируемого Сталина. Сегодня же Волкогонов нисколько не сомневается: «Сталин — самый верный ленинец», «Сталин — продолжатель дела своего учителя».

«Мы редко задумывались, — пишет сегодня Дмитрий Антонович, — над тем, что генетические корни беззаконий, убийственной коллективизации, страшных чисток конца тридцатых годов, в конце войны и послевоенного „наказания“ целых народов возникли именно в послеоктябрьской социальной практике большевиков»²⁹.

Волкогонов призывает к себе в союзники бланкистов (которых называет «романтиками»), якобинцев, которым он отнюдь не симпатизирует, но одним, коротким замечанием, что якобинский террор был во имя свободы, он облагораживает их по сравнению с другим «якобинцем» Лениным.

Даже апологетические воспоминания Троцкого о вожде Волкогонов препарирует так, чтобы опорочить Ленина. Волкогонов противопоставляет Ленина Марксу, а марксизм — ленинизму.

«Ленин обрёл себя лишь на догматическое комментирование выдающегося учения»³⁰.

И как же Волкогонов «облагораживает» Маркса и марксизм?

«Его [Ленина] марксизм явно однобокий, бланкистский, свержреволюционный»³¹.

Как в своё время либералы, так и сегодня Волкогонов выражает симпатию раннему Марксу, ещё не ставшему собственно марксистом, т. е. революционным теоретиком. Противопоставление основоположников учения, поиск противоречий в марксизме — приём старый, Волкогонов и здесь не открывает Америки.

«Ленин на словах соглашаясь с Марксовыми выводами эволюционного созревания революционной ситуации, — пишет сей „защитник“ марксизма, — перенёс свой акцент на возможность радикального формирования этого процесса путём активизации масс, создания ими своих организаций и партий»³².

Волкогонов обращается с обществом как механической системой, искусственно созданной человеком, рассчитанной и функционирующей по наперёд заданному алгоритму. Дмитрий Антонович оказался бы прав, если бы был в состоянии убрать из истории мыслящих, обладающих самосознанием и волей людей. Он мыслит историческую необходимость без случайности и свободы, и человеку ничего не остаётся, кроме как ждать, покоряться и терпеть. Не надо такую философию приписывать Марксу.

Отрицание классовой борьбы (которую Волкогонов маскирует под выражением «социальный расизм») и диктатуры класса выдаёт Волкогонова с головой. И тем не менее он использует марксизм в борьбе против Ленина, старательно внушая, что Ленин настолько злодей, что даже Маркс содрогнулся бы при его имени. (Волкогонов даже перефразировал известную фразу Маркса, который якобы имел бы основание не считать себя марксистом, коль Ленин таковым себя называет).

Итак, враг марксизма взял на себя защиту Маркса от его убеждённого последователя. Феноменально! Пора спасать марксизм от услуг таких «благодетелей»!

Можно ли разрушить марксизм истиной? Доказать это никто не способен, и Д. Волкогонов идёт по давно испытанному пути. Он борется с марксизмом посредством лжи. Чего стоит, например, его заявление о «несуразностях» марксизма, который якобы отвергает «глубинный двигатель экономического прогресса — интересы»³³. С чего это вдруг Волкогонов заговорил об интересах? Из его книги можно понять, что только Мораль (так в тексте) и «общечеловеческая истина» — подлинная ценность и двигатели истории. Слава богу, Волкогонов Марксу это не приписывает. Но он делает «открытие» похлеще:

«...Маркс почти ничего не говорил о диктатуре пролетариата»³⁴.

Это-де «случайная идея... встречающаяся у Маркса, кажется, раз-другой [!!! — А. Ч.]... совсем не как орудие власти»³⁵. Как же так, г. Волкогонов! Вы же называли «безбрежную диктатуру» «первородным грехом» марксизма³⁶. Кто

здесь кого опровергает: Волкогонов Маркса, Маркс Волкогонова или Волкогонов Волкогонова?

«Как можно увязать диктатуру одного класса (а точнее, партии) с признанием принципов народовластия, свободы и равенства всех граждан? Ведь это социальный расизм!» — выходит из себя Дмитрий Антонович³⁷. *«...Разве совместима справедливость... с диктатурой? По какому праву один класс безоговорочно командует другим?»* — вопрошает он³⁸. Отвечаю: по такому, какому капиталист распоряжается рабочей силой наёмного работника, феодал — крепостным крестьянином, рабовладелец — рабом. Кто из них «социальный расист»: богатый или бедный? Эксплуататор или восставший против него эксплуатируемый?

Почитайте, какой вздор космического масштаба несёт человек, когда-то изучавший марксистскую философию истории: Лениным «всемирная история» якобы раскладывается исключительно по «полочкам» революции.

«Чем Ленин лучше и глубже тех учёных, которые классифицировали исторический процесс по монархам, войнам, географическим открытиям и колониальным завоеваниям? Для мыслителя, претендовавшего волей большевиков на властителя дум XX столетия, сей подход, действительно прав Бердяев, является „духовной реакционностью“»³⁹.

Абсолютно лживы измышления Волкогонова, что в «ленинской теории социалистической революции... не было места ни представительным (выборным) учреждениям, ни непосредственной демократии», поскольку этим «важнейшим атрибутам» большевики якобы противопоставили

социалистическую революцию⁴⁰ .

Волкогонов как истый либерал под непосредственной демократией понимает исключительно референдумы, проводящиеся по воле власть предержащих раз в десятилетия.

Классовая борьба «народа», трудящихся масс: стачки, митинги, восстания, избрание своих классовых организаций (в т. ч. советов), наконец, гражданская война против эксплуататоров — вот, что считают марксисты прямой и представительной демократией, а превращение классовых организаций пролетариата в государственные органы в результате социалистической революции — есть высшее достижение рабочей демократии. Для либерального буржуа социалистическая революция — аномалия, нелепость, «шрам» на теле истории. Волкогонов выносит приговор революциям *«в пользу эволюции и реформ»*⁴¹ .

В октябре 1917 года, оказывается, была не социалистическая, а большевистская революция⁴² и даже не революция, а всего лишь переворот. Посочувствуем г. Волкогонову, если он вдруг «позабыл» отличия революций от переворотов. Но вот как осуществить переворот, если *«заговор оказался ненужным»*⁴³ , этот историк не объясняет.

Зато весьма превозносит революцию (sic!) буржуазную, февральскую, когда Россия по его *«глубочайшему [так ли? — А. Ч.] убеждению встала „на рельсы демократии и цивилизации“*».

Лето 1994 г.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3-х частях. Ч. 3; под ред. А. В. Торкунова. — М.: Просвещение, 2016. С.13. ↩
2. «Ленин», т. 1, с. 11. ↩
3. «Ленин», т. 2, с. 439. ↩
4. «Ленин», т. 2, с. 75. ↩
5. «Ленин», т. 1, с. 12. ↩
6. «Ленин», т. 1, с. 38-39. ↩
7. «Ленин», т. 1, с. 201. ↩
8. «Ленин», т. 1, с. 10. ↩
9. «Ленин», т. 1, с. 10. ↩
10. «Ленин», т. 1, с. 324. ↩
11. «Ленин», т.2, с. 77. ↩
12. «Ленин», т. 1, с.32-33. ↩
13. «Ленин», т. 2, с. 422. ↩
14. «Ленин», т. 2, с. 211. ↩
15. «Ленин», т. 2, с. 163. ↩

16. «Ленин», т. 2, с. 438. ↩
17. «Ленин», т. 2, с. 129. ↩
18. «Ленин», т. 1, с. 125. ↩
19. «Ленин», т. 2, с. 252. ↩
20. «Ленин», т. 1, с. 234. ↩
21. «Ленин», т. 2, с. 460. ↩
22. «Ленин», т. 1, с. 313. ↩
23. «Ленин», т. 1, с. 291. ↩
24. «Ленин», т. 1, с. 138. ↩
25. «Ленин», т. 1, с. 139. ↩
26. «Ленин», т. 2, с. 248. ↩
27. «Ленин», т. 1, с. 71. ↩
28. В. И. Ленин. Собр. соч., 4 -е изд., т. 11, с. 189. ↩
29. «Ленин», т. 1, с. 378. ↩
30. «Ленин», т. 2, с. 246. ↩
31. «Ленин», т. 1, с. 83. ↩
32. «Ленин», т. 1, с. 124. ↩
33. «Ленин», т. 2, с. 78. ↩
34. «Ленин», т. 1, с. 75. ↩
35. «Ленин», т. 2, с. 318, 319. ↩
36. «Ленин», т. 1, с. 12. ↩
37. «Ленин», т. 1, с. 129. ↩
38. «Ленин», т. 1, с. 76. ↩
39. «Ленин», т. 2, с. 233. ↩
40. «Ленин», т. 1, с. 133. ↩
41. «Ленин», т. 1, с. 286. ↩

42. «Ленин», т. 1, с. 164. ↩

43. «Ленин», т. 1, с. 294. ↩